

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ
МАРКОВ
Сравнительно-исторические
и
комплексные исследования
в общественных науках
Из опыта изучения истории
и культуры народов
Центральной
и Юго-Восточной Европы

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редакторы издательства
Н. П. Бобрик, Л. С. Кручинина

Художник

В. Н. Тикунов

Художественный редактор

Н. А. Фильчагина

Технический редактор

Н. П. Кузнецова

Корректоры

Р. С. Алимова, В. Г. Петрова

ИБ № 25483

Сдано в набор 05.04.83

Подписано к печати 03.06.83.

Т-09562. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 12,6 Усл. кр.-отт. 12,6

Уч.-изд. л. 14,1. Тираж 2350 экз.

Тип. вак. 2713

Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Содержание

Введение	3
Сравнительно-исторические исследования: сущность, пути и формы их проведения	12
Характер междисциплинарных исследований, принципы их организации	38
Славистика как комплекс научных дисциплин	50
О некоторых методологических проблемах истории культуры	62
Пути изучения художественной культуры социализма	71
Общие теоретико-методологические вопросы литературной компаративистики	96
Типологические черты художественных форм в революционных литературах 1920—30-х годов	114
Литературные связи и влияния	138
Маяковский и болгарская революционная поэзия	166
Социалистические литературы: традиции и современность	186
Системное единство социалистического реализма	207
Указатель имен	232

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

Д.Ф. МАРКС

Сравнительно-исторические
И
комплексные исследования
В ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУКАХ

Из опыта изучения истории
и культуры народов
Центральной
и Юго-Восточной Европы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1983

В книге исследуется ряд важных направлений в современных общественных науках. В ней многосторонне разработаны теоретические, методологические проблемы изучения истории, истории культуры народов Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии. Автор подчеркивает необходимость комплексного изучения историко-культурного процесса разных исторических эпох.

Введение

Эта книга подсказана опытом работы Института славяноведения и балканистики АН СССР, сотрудником которого я являюсь с первых лет его основания (с 1948 г.). Тогда он назывался Институтом славяноведения, потом, после 1968 г., был преобразован — в его задачи вошло также изучение и балканских народов. Институт с самого начала создавался как комплексное научное учреждение, объединившее в своем составе историков, лингвистов, культурологов, литературоведов, фольклористов.

В июне 1969 г. на меня были возложены обязанности директора Института славяноведения и балканистики. К этому времени Институт в основном решил проблему подготовки кадров по своему профилю и уже выполнил и реализовал в печатных изданиях значительное число исследований, внесших существенный вклад в науку.

Уже в конце 40-х — начале 50-х годов Институт приступил к подготовке многотомных обобщающих трудов по истории Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии, которые были изданы в течение 10—12 лет. Позже, в начале 70-х годов, эта большая серия пополнилась книгами по истории Венгрии и истории Румынии. Вместе с тем появились и другие издания — книги по истории болгарской, польской, чешской и словацкой литератур, по истории литератур народов Югославии. В нашей стране — это первые обобщающие марксистские труды по истории и истории литератур упомянутых стран. Надо иметь в виду, что многие из них создавались в период, когда еще не были написаны с марксистских позиций истории народов в самих странах. Наши труды стимулировали там работу такого характера, способствовали установлению дружеских контактов и сотрудничества.

Мы стремились к глубокому освоению истории, литератур и языков изучаемых стран. Стать высококвалифицированным специалистом в своей области — это было важнейшим требованием, означавшим детальное, многостороннее знание страны — объекта изучения. Наряду с обобщающими трудами и в неразрывной внутренней связи с ними

издавались индивидуальные монографии, сборники статей по вопросам истории и культуры отдельных стран. Эта работа имела большое значение, она была этапом на пути к более широкому синтезу. Создавалась реальная база для перехода к новым задачам, необходимость решения которых обусловлена самой структурой Института как комплексного научного учреждения. В какой-то степени сближение ученых разных специальностей происходило с самого начала существования Института: работы наши публиковались в серийных изданиях, какими были, например, «Ученые записки»; для многотомных синтетических трудов по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы разделы по культуре готовились литературоведами, искусствоведами и другими специалистами. Но это был только начальный этап объединения ученых, притом при подготовке к изданию книг страноведческого характера. Между тем надо было переходить к сравнительно-историческим исследованиям широкого плана.

Постановление Президиума АН СССР от 18 июня 1970 г. определило основные направления деятельности Института славяноведения и балканистики, в соответствии с ними и были созданы новые научные подразделения. С той поры наши исследования фактически охватывают проблематику истории и культуры Центральной и Юго-Восточной Европы, что, разумеется, шире и славяноведения и балканистики, которые, несомненно, входят в указанные рамки, сами представляя собой комплексы наук.

Таким образом, к началу 1970-х годов научные работники Института были подготовлены и организационно, и в собственно научном плане для перехода к сравнительно-историческим и комплексным исследованиям. Но сам живой процесс перехода был делом нелегким, связанным с серьезными трудностями. Надо было преодолеть элементы стихийного планирования, основывающегося лишь на индивидуальных заявках научных сотрудников, только на их личных интересах, надо было преодолеть своеобразный психологический барьер — замкнутость отдельных ученых, привычку все делать только по своему выбору и усмотрению.

В Институте постепенно начался переход к программно-целевому планированию, требующему сосредоточения усилий на главных направлениях. Оно отнюдь не исключает необходимости считаться с личными интересами отдельных ученых, точнее — с возможностями их наибольшего вклада в решение выдвинутых проблем. Оно не означает также

абсолютную ориентировку только на коллективные исследования, хотя, конечно, они являются ведущими. По определенным вопросам важны и индивидуальные монографии и статьи, как и публикации архивных документов, хорошо налаженная служба информации и т. д.

Для осуществления конкретного плана сравнительно-исторических и комплексных исследований необходимо было дать научное обоснование их принципов. Остро встали вопросы методологии и методики такого рода исследований. По этим вопросам много раз выступал и я, и ряд ведущих ученых — историков, историков культуры, литературоведов, лингвистов. Разработка методологических проблем, которая продолжается и сегодня, несомненно способствовала более быстрому переходу к таким исследованиям у нас в Институте. Период 1971—1975 гг. можно считать началом их практической реализации.

В те годы у меня уже был и личный опыт в этой области. Дело в том, что в начале 1960-х годов я работал вместе с талантливым, тогда еще молодым, коллективом литературоведов — специалистов по разным литературам. Мы стремились изучить общее и национально-специфическое в революционных литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период с конца XIX — первой трети XX в. Исследования в этой области привели нас к принципиально важным выводам об общих закономерностях литературного процесса, связанных прежде всего с формированием и развитием социалистического реализма, и о многообразии национальных и индивидуально-творческих форм, в которых проявлялись изучаемые типологические явления.

Результаты наблюдений по отдельным литературам мною были обобщены в книге «Генезис социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур» (1970). Эта книга — сравнительно-типологического плана. И хотя она основана на литературном материале, общие принципы научного анализа применимы также и к широкому изучению социальной истории общества. Во всяком случае и личный опыт был использован в процессе организации больших коллективных исследований.

Научные идеи, становясь внутренним убеждением, захватывают не только разум, но и чувство. Много было творческих обсуждений, они проводятся и сейчас. Были горькие неудачи, успех же всегда вызывал глубокое удовлетворение. Постигнутое заряжало на выполнение новых, еще более сложных работ. В течение 1971—1980 гг. учеными Института был создан ряд значительных исследо-

ваний сравнительно-исторического и междисциплинарного характера, некоторые из них будут названы ниже¹. Выполненные в нашем Институте, они, конечно же, имеют важное общенаучное значение. Именно из этого я исходил, обращаясь к ним в настоящей книге. И, разумеется, ими не ограничиваюсь — в книге привлекаются и другие, на мой взгляд, интересные издания, способствующие развитию исключительно важного научного направления.

О значении сравнительно-исторических и комплексных исследований, о необходимости их интенсивного развития говорилось на XXV съезде КПСС. В Отчетном докладе съезду сказано: «Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных. Их следует использовать в полной мере»².

В известном документе XXVI съезда КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» вновь подчеркнута необходимость дальнейшего развития комплексных исследований. В последние годы они все больше входят в практику нашей работы.

Направление это — сравнительно-исторические и комплексные исследования — стало утверждаться в советской общественной науке недавно. В нем еще много неустоявшегося и нерешенного как в области теории и методологии, так и в способах конкретного анализа отдельных фактов и явлений; применительно к этим исследованиям недифференцированно используются сами понятия и термины: в них вкладывается нередко разное содержание. Поэтому в самом начале книги возникает необходимость сказать несколько вводных слов относительно ее проблематики и структуры, определить свое отношение к некоторым исходным принципам и категориям понятийного характера.

Сравнительно-исторические и комплексные исследования связаны с практическими задачами времени, вызваны внутренней логикой самой науки, непрерывно раздвигающей границы познания, стремящейся к глубокому проникновению в сущность явлений, к раскрытию закономерностей общественного процесса, притом не только на национальном, но и межнациональном уровне. В основе их лежит понимание системности общественных явлений, диалектики их развития и всеобщей связи.

Сравнительно-исторические и междисциплинарные (комплексные) исследования имеют общие черты и вместе с тем

это два типа исследований, которым присущи свои особенности. Позже я подробнее остановлюсь на каждом из них. А пока только замечу, что исследования первого типа проводятся обычно средствами и в рамках одной науки — истории, литературоведения, языкознания и т. д. Главная их цель — изучение связей или обобщенная характеристика однотипных процессов, развивающихся в сходных обстоятельствах. Междисциплинарные исследования также включают сравнительный анализ, но их отличает интеграция различных наук.

Методологической основой указанных исследований служит учение Маркса о социально-экономической формации, показавшее несостоятельность всякого рода субъективистских представлений об обществе, как о нагромождении случайностей. По словам В. И. Ленина, Маркс «указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»³. Материалистической теорией Маркса, писал В. И. Ленин, «был применен к социальной науке тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возможность применения которого к социологии отрицали субъективисты»⁴. В связи с этим В. И. Ленин писал: «Анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им»⁵.

Критерий повторяемости касается всех общественных явлений, в том числе, разумеется, и такой особой сферы духовной деятельности человека, как художественная культура, где мерой ценности выступает неповторимость образов. Ведь суть вопроса заключается именно в установлении и того, «что отличает», и того, «что обще». Мы говорим в данном случае не о повторяемости вообще, во всех ее возможных формах, не только и, пожалуй, не столько даже о преемственных связях, тем более — не о каких-либо повторях, играющих роль приема в структуре художественных произведений. Речь идет о неизбежно сходных формационных признаках — о закономерном возникновении типологических тенденций в историческом процессе разных стран. Тенденции эти могут возникать независимо друг от друга,

притом синхронно или с интервалами во времени. Они-то и являются объектом сравнительного анализа, который призван обобщить характерные явления в отдельных странах и привести к раскрытию более общих закономерностей мирового общественно-культурного процесса, основных путей его исторической поступательности.

Повторяемость, о которой идет речь, отнюдь не означает копирования образца или прямого подражания чему-нибудь уже данному. Общее не значит одинаковое, а особенное не сводится к несущественно-случайному — одно проявляется в другом. Известно, что каждый народ обладает своим неповторимым историческим опытом, в котором вместе с тем содержатся и черты общезначимости. Сравнительный анализ типологических явлений должен показать единство общего и особенного, повторяемого и неповторимого как системную связь двух сторон единого целого. Разрыв этой связи, выпячивание лишь одной стороны в ущерб другой неминуемо ведет к искажению сущности исследуемой реальности.

Наши противники, эксплуатируя национальные чувства, гипертрофируя особенное, утверждают, будто общее нивелирует национально-специфическое, пытаются навязать свои субъективистские взгляды, выступая тем самым против общих закономерностей объективного исторического процесса.

Вместе с тем абсолютизация общего ведет к мертвой схеме и догматизму, к искажению живой природы явлений. Догматику все заранее ясно: оперируя общими правильными положениями, он не видит их преломления в конкретных формах, накладывает на развивающийся историко-культурный процесс стереотипы и эталоны. В таком случае не учитывается единство общего и особенного, по существу игнорируется их системная связь.

К сожалению, такие взгляды все еще встречаются в нашей среде, о чем будет рассказано в последующих частях книги. Здесь упомяну только один пример, касающийся литературы и искусства. Так, характеризуя метод социалистического реализма, справедливо говорят об его исходных принципах — ленинской партийности, социалистическом гуманизме, но не показывают их подлинной действенности, обуславливающей, в свою очередь, принципы широты, необычайного многообразия форм художественного творчества. Между тем обе эти стороны должны рассматриваться не изолированно друг от друга, а в их органической связи, как компоненты единой системы.

Вообще системный подход к явлениям — важнейший методологический принцип, самым непосредственным образом связанный с теми типами исследований, о которых мы говорим. Более того, скажем, междисциплинарный подход является не чем иным, как определенным видом системного подхода.

Как известно, наш век характеризуется глубокой дифференциацией наук, и в то же время — стремлением к синтезу научного знания. Эта последняя тенденция обусловлена задачей анализа сложно-организованных объектов-систем. И так как системы представляют собой не механический свод элементов, не их простую сумму, а определенные целостности, интегральное единство взаимосвязанных элементов, то и научный анализ, естественно, должен вести к раскрытию сущности исследуемых объектов именно как целостностей. Так, комплексные исследования определенных исторических реалий или явлений культуры означают не простую фиксацию результатов разных наук, а качественно новую характеристику этих явлений как целостных феноменов.

Но как достигается такой синтез научного знания? Ведь в комплексных исследованиях участвуют представители разных научных дисциплин, каждая из которых не только не утрачивает своей специфики, а как раз благодаря ей способна внести свой вклад в освещение общей проблемы. Ниже, в соответствующих разделах, опираясь на практику нашей работы, я попытаюсь показать самый механизм объединения ученых разных специальностей. Здесь только подчеркну, что у всех их должна быть, так сказать, единая стартовая площадка, общий план, формулирующий задачи для всего исследовательского коллектива. Тогда у каждого ученого возникает ощущение связи с коллективом, единая целеустремленность исследования, выполняемого средствами разных наук.

Опыт говорит нам, что в проведении сравнительно-типологических и комплексных исследований решающую роль играет принцип историзма. Его забвение сразу обнажает несостоятельность взглядов ученых. Известно, что на Западе междисциплинарные исследования имеют довольно широкое распространение. Делаются, например, попытки использовать при изучении истории приемы других наук: социологии, этнографии, психологии, математики, филологии и т. д. Но попытки все равно остаются безуспешными, потому что ученые далеки от понимания объективных законов исторического развития общества. «Коренной порок

буржуазной междисциплинарной истории,— справедливо пишут советские исследователи К. С. Гаджиев и Н. В. Сивачев,— заключается в том, что она изгоняет или, по крайней мере, не замечает важнейший элемент целостности и разнообразия мира, а именно — его революционность. В теории получается эклектика, завуалированная более точными количественными измерениями отдельных периферийных компонентов исторического процесса»⁶.

Советская наука стремится к последовательному историзму, и именно здесь прежде всего проходит водораздел с буржуазной наукой. Мы исходим из понимания формационных процессов в социальной истории общества, видим явления-системы, их развитие, и этот угол зрения является объединяющим началом и условием наших сравнительно-исторических и комплексных исследований.

Место и значение этих исследований в современной науке неопределимо велико. Они способствуют решению сложных вопросов о содержании и отличительных чертах социального и художественного прогресса, о соотношении национального и мирового исторического развития. Каковы, например, критерии вклада отдельной нации или страны в мировую культуру? Ответ на такой вопрос не может быть однозначным. Мы идем к его решению путем установления общих, типологических тенденций, связанных с гуманистическими идеями, которые, на наш взгляд, определяют поступательность развития культурного прогресса общества и место в этом процессе отдельных национальных культур.

Все эти и другие проблемы рассматриваются более подробно на том или ином материале в дальнейшем изложении. Вместе с тем в книге будут конкретно проанализированы особенности двух типов исследований — сравнительно-исторических и комплексных. Этим продиктована и структура книги: вначале речь пойдет об указанных типах исследований, затем идут конкретные разработки различных аспектов историко-культурного процесса как практическое преломление утверждаемых взглядов и принципов. В этой связи я считал целесообразным и возможным воспроизвести и включить в настоящее издание некоторые свои ранее опубликованные работы, посвященные проблемам славистики, общим проблемам социалистической культуры, литературным отношениям — связям и изучению типологических явлений. Эти работы воспроизводятся в границах того фактического материала и тех хронологических рамок, которые были в них в момент их публикации, ибо главное заключается не в объеме такого материала, а в принципах подхода к нему.

Я стремился показать, как видятся связи и влияния, типологические процессы, а также комплексность явлений в историко-культурном развитии разных народов и каковы, на мой взгляд, пути их изучения.

¹ Более полное представление о деятельности Института, включая новые направления, читатель может получить из изданий: Институт славяноведения и балканистики АН СССР. 1947—1977. М.: Наука, 1977; Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований. М.: Наука, 1979.

² Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976, с. 72.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

⁴ Там же, т. 1, с. 429.

⁵ Там же, т. 1, с. 137.

⁶ Гаджиев К. С., Сивачев Н. В. О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США.— Новая и новейшая история, 1980, № 6, с. 81.

Сравнительно- исторические исследования: сущность, пути и формы их проведения

1

Представляется принципиально важным ясно видеть, что сравнительные исследования исторического или культурного процесса включают два аспекта — изучение непосредственных (контактных) связей и влияний, с одной стороны, и типологических явлений, с другой. Иногда эти два аспекта, на мой взгляд, ошибочно противопоставляются друг другу: одни ученые относят к сравнительным исследованиям только первый аспект, выводя за их пределы второй, другие — наоборот (разные ученые поступают по-разному — мною приводятся и конкретно характеризуются их взгляды на литературоведческом материале в разделе «Общие теоретико-методологические вопросы литературной компаративистики»). Мне кажется несомненным, что оба указанных аспекта немыслимы вне сравнительно-исторических исследований. Рассмотрим кратко каждый из них.

О связях — исторических и культурных — написано и опубликовано большое число статей и книг — и в Советском Союзе, и в других странах. Особенно много — о связях родственных по происхождению народов. Очевидно, группы этих народов всегда надо иметь в виду, как важный ориентир в наших исследованиях.

Много работ ученых посвящено славянским народам. И это вполне естественно. Общность происхождения славян, родство языка издавна определяют их контакты. На протяжении длительного времени они вели борьбу против иноземных поработителей, и их опорой в борьбе была во многих отношениях и в разное время Россия. Достаточно назвать известные исторические факты: Болгария была освобождена от пятивекового османского ига в результате Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., возникновение самостоятельных славянских государств — Польши, Чехословакии, Югославии — связано с Великой Октябрьской социалистической революцией, способствовавшей развалу Австро-Венгерской монархии.

И логично, что широко представлена тема: Россия и зарубежные славянские народы. Выявлен и собран огромный материал, описаны многие факты исторических, культурных, языковых связей, сделаны важные выводы, хотя они далеко не покрывают богатство накопленных и изученных наблюдений. Мы стоим перед необходимостью широких теоретических обобщений в этой области. Главное состоит не в простой фиксации фактов связей, а в установлении их значения для историко-культурного процесса изучаемых стран и народов, в установлении их места и роли в этом процессе.

В наших работах справедливо подвергаются критике все еще встречающиеся крайности, когда о влиянии, например, одной культуры на другую, одного общественного деятеля на другого говорится на основе чисто формальных и иных внешних совпадений, или же на основе сходства проблем, мотивов, могущих, несомненно, возникать независимо от каких-либо связей, а лишь по сходству обстоятельств. Нам надо шире раскрывать сущность подлинного влияния. Оно, конечно, никоим образом не есть подражание, а гораздо более значимый фактор. Влияние — это прежде всего восприятие определенных идей, принципов. И если эти идеи и принципы исторически прогрессивны, то процесс их творческого восприятия исключает нивелировку воспринимающей личности, более того — способствует укреплению ее связей с собственной национальной средой, формированию в ней передового деятеля своей, отечественной истории.

Примеров тому — множество. Известно, скажем, какое огромное влияние оказали русские революционные демократы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов на Христо Ботева, Любена Каравелова, Светозара Марковича, не только не отняв у них самобытности, а, наоборот, усилив их демократизм, их национальное значение. Или: необычайно сильное влияние М. Горького на всемирную демократическую литературу, безусловно, заключается в следовании тем принципам, которые утверждал великий русский и советский писатель, пролагая новые пути в художественном развитии человечества. И это обогащало и продолжает обогащать воспринимающие национальные литературы.

Общественно-культурные связи несут на себе печать своей эпохи, и этим определяются их особенности, а следовательно, и пути их изучения. Можно, очевидно, написать историю связей одного народа с другими народами. Притом необходимо иметь в виду, что в силу неравномерности исторического развития общественные и культурные контакты

между отдельными народами отнюдь не всегда являются синхронными. Здесь связи и типологические процессы переплетаются: не все народы проходят одновременно сходные формационные стадии — одни проходят их раньше, другие позже. Поэтому один народ может обратиться не к текущему, современному, а к более раннему опыту другого, шедшего впереди, народа. Все зависит от своеобразия исторического и культурного развития народов, обуславливающего внутренние потребности и характер их связей.

С особой интенсивностью связи между народами проявляются в периоды больших исторических и культурных событий. Исключительный интерес представляют связи России с народами Центральной и Юго-Восточной Европы. Назовем в качестве примеров три узловых периода этих связей.

Миссия Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, создание ими славянской азбуки — событие эпохального значения, сыгравшее выдающуюся роль в судьбах всех славян. Деятельность учеников великих просветителей, широко развернувшаяся в Болгарии, получила реально-практический выход в мир — она способствовала распространению славянской письменности в Древней Руси. Об этих связях, осуществлявшихся в то отдаленное от нас время, писали многие ученые прошлого, много и убедительно пишут наши советские и зарубежные медиевисты.

Иной характер носят связи в период национального Возрождения славянских народов. Многие из этих народов веками находились под чужеземным гнетом, в результате чего развитие их экономики и культуры было заторможено. Возрождение, кроме прочего, означало для них наверстывание упущенного, преодоление исторического отставания. Шел процесс ускоренного экономического и духовного развития, очень характерного для конца XVIII и всего XIX в. И в этом процессе важнейшим фактором был уже богатый к этому времени опыт России. Вообще невозможно, пожалуй, представить себе изучение истории и культуры зарубежных славянских народов без учета их связей с демократической общественностью России, влияние которой было органичным и долговременным. Сами эти народы делали все возможное, чтобы укреплять указанные связи. Известно, например, что многие болгарские просветители и писатели учились в русских учебных заведениях, стремились усвоить все, что казалось полезным для их народа. Выступая в 40—60-х годах XIX в., они обращались и к